

КАК НАУЧИТЬСЯ ПИСАТЬ*

<Дневниковые записи. 2 февраля 1947 – 25 марта 1951>

2. II. 1947

Никогда не надо забывать, что я, если не слепой, то на 3/4 хвостика:

Чернила должны быть глубоко-черные а никакие голубые-бледные.

Все поправки вносить неторопливо отчетливо.

Ни на какие газетные отзывы не обижаться. Самое безнадежное, когда даже не выругают, а промолчат или, как со мной бывало, я часто попадал в “в следующем № или книге”, а никогда не появлялось ни этого обещанного следующего

Под картиной не надо никаких подписей. Подписи разбалтывают. Напр<имер>. Зима. Само собой из картины ясно, что зверь со шкурой вынесет, а зверек “заячный” погибнет. А кто же хочет кому-нибудь, здорово-живешь гибели.

Картина не требует никаких разъяснений иначе выйдет вроде подписи под львом “се лев, а не собака”

Никаких под картиной “моральных” “надо”: всякая мораль фальшиво для моего уха.

* * *

Избегать общих определений: если говорится о деревьях, надо обозначать: береза, сосна.

* * *

Никаких “девушек” и “молодых людей”. Всегда слащаво и неопределенно. А неопределенности в картине не должно быть.

“Прекрасного”, “милого”, “красивого” избегать: очень затаскано и не звучит, а главное при относительности этих определений трудно даже представить.

В прозе никаких созвучий глагольных “гореть-глядеть-сопеть”. Если он горел, то никогда не глядел, а “глядит”. Так по-русски.

* Подчеркнутые слова даны в разрядке.

Надо завести тетрадку и сразу со сна записывать сон.
Надо писать каждый день. Непрерывность и устремление.

5. II. 1947

“Черновик” – Леонид Андреев однажды признался и с горечью: его черновик полон словесной пошлости.

Как развеять в себе эти пошлости (а “пошлость” значит пустота, “пустошь”) [–] только постоянным контролем над собой.

Я на это никогда не жаловался.

1) Вермишель	Темы философские.
2) Фавн	на мои поправки никогда не надо раздражаться.
3) Тарелка	дражаться.
4) Лошадка	Да, учиться стилю, но и еще чему-то – такие темы требуют углубления. И без этого только намек

Тут сомнамбулизмом не взять, тут работа “головы”, это не “Деревянная палка”.

На соединение слов надо наострить ухо: ч<то>б<ы> избежать рубки, каши

тра - та - та

9. II

Писать надо ни для кого и ни для чего, а только о том, о чем пишется, и что потом выделяется. Как часы часовщик, разве он видит меня или кого; все внимание на часах и больше ни на кого.

Никого не надо учить. Словами не исправишь. Слово может ранить, может поднять. Но чтобы это слово звучало, а [не – А. Г.] говорило голосом прописных истин.

вместо “выглядит” – кажется

смотрится

вместо: Если поедите и мы укажем - Поедите и мы укажем

16. II

Согласовывать с последним:

куда топор, и коса, и соха ходила

1.V

“Мертвые слова” – бессмысленные языковые штампы
 “ничего подобного”
 “очень просто”
 “значит”

В последнее время думаю: что-то нас разлучает. Я не только замечаю, но и чувствую, что что-то переменялось, только сказать еще не нахожу слова. Я вспоминаю осенние дни и сравниваю, что теперь, когда пришла весна. Что случилось? А что-то случилось.

[Болезнь]

20.V

Наше современное “потому что” звучит не по-русски:
 по-рус<ски> не отделяется

деревня Пал дана к усадищу,
 потому-что в селе во Дгине
 усадище угоднеѣ и землю
 получше и дворъ

1536 (Оболенские)

3. VI

Самое тяжелое чувство испытывает человек, когда видит, что его подарок бросают в ордюр.¹

28. VI

Я с болью затих. Разве то, что из сна, можно переводить на нашу трезвую речь? Разве во сне есть какие-то перегородки, – наше страшное слово: “в общем порядке”?

И что может быть ближе, чем образ из сна? Это в моей [теории] вере. Я очень верующий в чудеса и я поверил, что на земле – в нашей трезвой жизни возможно такое чудо.

И потому с такой болью затих
 – – “в этом мире умирать не ново”² – –
 Какая черная тоска

¹ От “ordure” (фр.) – мусор.

² Цитата из стихотворения С. Есенина “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (1925).

30. VI

То, что в Посолони о “Лейле”, все осуществилось в жизни, потому я вдруг и стал писать:³ я как говорю с той моей Лейлой, вдруг воплощенной (в Натусе, только когда она была маленькая, было мое). Она родилась в 1904 году в апреле в Одессе.*

1. VII

Ну, хорошо, и все-таки остается: перед лицом или перед “ЛИКОМ”, “отверженный”, а может, так и надо**

Да, так и надо.** [Вы правы.]

Вот я всегда так, сначала фордыбачусь, а потом как раздумаюсь, и соглашусь, только никогда во мне не скажется словами для всех, а моими словами***

и еще самое мое основное: надо все принять

Как это хорошо, что грач уговорил Зайчиные ноги⁴ идти вот это и есть *Sensibilité nouvelle*

(Оно есть в лапочках, в Еж<ином> раю: <1 нрзб.> деревьям)

4. VII

Перемололось и кануло, углубив мое зрение⁵

7. VII

Я бы хотел, чтобы Вы записали Вашу встречу с “ногой”. Ч<то>б<ы> восстановить подробности что было, с чего началось, и что потом случилось, надо сосредоточиться на “ноге”

³ Ремизов ассоциирует обстоятельства нелегкой жизни своей оставшейся в Советской России дочери Натальи (1904-1943) с полными напастей приключениями героини второй части “Посолонь” (редакция 1911 г.) Лейлы, в итоге так и не достигшей сказочного порога счастья - берега Моря-Океана.

* Несколько слов густо зачеркнуто.

** Подчеркнуто красным карандашом.

*** Последние два слова подчеркнуты красным карандашом.

⁴ Имеется в виду эпизод из сказки Н. Кодрянской “Заячий рай”: “- Заячий рай, где ты, заячий рай? // А лапы идти дальше отказываются. // Хорошо, что знакомый грач сжалился над Марфинькой и уговорил заячьи лапы отвести Марфу домой” (Кодрянская Н. Сказки. Париж. [1950], с. 79).

⁵ Запись от 4 июля добавлена к предыдущим записям поперек л. 8.

25. IX

Не надо общих определений, как “тоска”, “зависть”, а надо показать

Гоголь – его житейский кругозор – очень тесный, ему нужен был материал и тема пробужденная (Пушкин)

(мать, письмо после Мер<твых> Д<уш>, вечера)

первое

1. X

“Вдруг”, “вот” и “это” – самое зло! В котором грешен, вычеркиваю, где только встречаю.

Ищем покоя, а того не знаешь, что в покое таится “привычка”

29. IX

И вдруг я понял, что это отчаяние говорило во мне. Мне бы хотелось, чтобы судьбой все у меня было отнято и [уйти куда-то] оставалось бы только скрываться – в какую-то нору.

Потому так и говорил я, вызывая горечь ответов. И ждал горчайших. Чтобы гореть от боли.

Ведь я всю жизнь хотел жить с людьми по-человечески. Без всякого лукавства и без расчета и раздавать свое богатство: “счастье”, “голос”, “слово”.

1. X

Меня заливают песней. И тысячный доли я не выразил того, что слышу: звучит во мне.

3. X

“Жду ль чего, жалею ли о чем” – это мой лермонтовский припев.⁷

Как “Дон Кихот” и “Гуливер” (Юливер по-старинному) увлек меня “неправдашностью”, что мне всегда было близко, моей природе – “сказка”. Мое “обезьянье царство” одной мечты с “лошадиным царством” Свифта.⁸ Я не копировал “туингнгов”, мои обезьяны возникли сами собой, вышли из “игры” и вошли “игрой” в жизнь.

⁷ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова “Выхожу один я на дорогу...” .

⁸ Речь идет о генезисе придуманной Ремизовым Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала). Подробнее см.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб. 2001. 383 с.

От [из] имени “обезьяны” получился соблазн, чего никак не могло произойти со Свифтом, не пустившим дальше литературы своих “гуинггмов”

“человек”

“человечина” (слово изображено Аскоченским)⁹

25. X

Самое важное: выдумать увидеть и прочувствовать

Аполлон Григорьев¹⁰ два знамения:

- 1) Личность – стремление – свобода – искусство – бесконечность
- 2) Человечество (человечина) – материальное благосостояние – однообразиие – централизация.

Сон: положить на голову глины [стать] подняться на холм и стоять там дни и ночи

Стоит 4 дня

На 5-ый он окружен орлами

Красный орел говорит:

“Я женщина, живу на небе, я прихожу к людям и даю им сны. Я пришло тебе кое-что, а ты должен укрепить мои перья на жезл, будет бить тебя волшебным жезлом”.

Является буйвол и говорит:

“Орел, который к тебе появился, управляет всеми животными”.

Вернувшись с холма домой, он основывает “союз буйволового плясунов” и учит пляскам, песням буйвола.

G. A. Dorsey. Traditions of the Skidi-Pawnee.¹¹

13. XII. 1947

Зачем люди мучают друг друга, когда столько радости в жизни. Я чувствую, лимоном пахнет

⁹ Аскоченский Виктор Ипатьевич (наст. фам. Оскошный, затем Отскоченский, 1813-1879) – журналист, прозаик, историк.

¹⁰ Григорьев Аполлон Александрович (1822-1864) – поэт, литературный критик, переводчик, мемуарист.

¹¹ Dorsey G. A. Traditions of the Skidi-Pawnee. Memoirs of the American Folklore Society. Vol. 8. Boston-New York 1904, p. XXVI, 366.

Больше всего бедуют: “ковырялки” – эти ничего не могут принять просто и легко, и “счастье” ускользает перед их носом.

А это к другому: никогда нельзя говорить человеку: “вы так много терпели, потерпите еще немного!”.

18. XII

Все совершается “почти” и около, но в каждый данный момент в своей целой доле. Поэтому и при описании надобно “точность” и никогда не “почитать” и не “околачиваться”.

31. XII

Мое о “простоте”: надо смотреть на жизнь проще. И что я теперь спокойно смотрю на все, откуда?

И вдруг понял: от отчаяния.

Какая в человеке сила: из “шамана” может исходить “огонь”: выдыхать огонь.

3. I. 1948

Никак не могу убедить, что я один, что у меня моя, мне только принадлежащая м е р к а , и судить меня и действовать на меня нельзя, нельзя, нельзя!! общим судом и действием, то, что для другого может быть только царапина, мне – г л у б о к а я р а н а

4. I

Сон: клубок веревки: конец моей биографии.

23. I. 1948

Все абстрактное надо заменять живым:
переполненность – до краев избыток
неудержимость – безудержно*
безрасчетность

* На полях нрзб. помета Ремизова.

БЕЗЫМЯННЫЙ ПИСЕЦ

О г н е н н а я п а м я т ь

30. I. 1948

Писать надо всякий день не только для упражнения, словесный человек, как цветок, распускается. И часто сам не знаешь, какие еще цветы и листы хранит душа.

Никогда не употребляй	коей	усталые
		и
очень осторожно	сей	обшарканы <?>
	ах	
и редко		

За собой замечаю: часто “это”, а это заколачивает гвоздиками.

17. II

Не надо никаких физических определений вроде: “мозг не работает”

Когда я хвалю вас, я говорю искренно. Когда я чуть дотронулся к Вашему, я почувал, а потом убедился в огромном даровании, вам отпущенном судьбой.

Какие успехи вы сделали за год! Хотя занимались не так, как говорю: пишите всякий день, хоть несколько строчек.

“Накатило” (так по-русски) – вдохновение, это дар. Но надо уметь еще и выразить словами взблескивающие образы. Надо знать ремесло перетряхивать словами, как камушками, и строить из них.

19. III. 1948

За тридевять земель – в тридесятом царстве есть царство медвежье, мышье, воронье, ежиное.¹² Там люди не живут. Вы проникаете в это царство и рассказываете о житье-бытье. Колючие, бодатые, усатые философские сказки и дары <?> мыслей

¹² Отсылка к образам сказок Кодрянской. Ср.: заглавие сказки “О сотворении вороньего мира” (Кодрянская Н. Сказки, с. 97-101).

29. VI. 1948

Лучше пропад, чем обернуться серединой. (Однажды от доброго сердца посоветовал мне серединнейший из середины Яша Цвибак:¹³ “Надо вам [переключиться] переустроиться!” – сказал он и губами поймал себя за нос; М. А. Осоргин, он называл меня “моя неразделенная любовь” и однажды со словом “люблю” ящерицей выпрыгнул упрек: “уступите же, наконец, читателю!”¹⁴ “Перестроиться и уступить”, одно другого стоит!).

¹³ Имеется в виду Андрей Седых (наст. имя: Цвибак Яков Моисеевич, 1902-1994) – писатель, журналист, литературный критик. Его личные отношения с Ремизовым были доброжелательными, хотя воспоминания Андрея Седых отражают несоответствие их литературных ориентиров: “Мало кто понимал и ценил ремизовские писания. В них раздражала стилистическая вычурность писателя, некоторая, даже не всегда понятная абстрактность, внутреннее издевательство, чрезмерное пристрастие к описанию всяких “африканских докторов”, неправдоподобность снов, бесконечная чертовщина, которую позаимствовал Ремизов у Гоголя и которую возвел он в некий литературный и даже житейский стиль” (Андрей Седых. Далекие, близкие. М. 1995, с. 122).

¹⁴ Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам.: Ильин, 1878-1942) – журналист, прозаик, общественный деятель. Ценил мастерство Ремизова-писателя, хотя всю жизнь обижался на него за непризнание эстетической ценности своего творчества; неоднократно устно и в печати полемизировал с ним по поводу необходимости создавать произведения, понятные широкому читателю. См. письмо Осоргина Ремизову от 16 июля 1931 г., касающееся высказываний последнего, которые были опубликованы в журнале “Числа”: “Дорогой Алексей Михайлович, Что я буду говорить о своем творчестве, когда читатели “Чисел” не слышали о моих книгах и т. д. Это для кого же пишется? Для “самого того, что пишется”? Нет, как раз для публики; даже не для ч и т а т е л я , а именно для п у б л и к и! А в конце Вы даже испугались этой публики и забежали вперед ее мнения. Зачем же морочить молодежь красивыми формулами, лишенными смысла? Творят в о и м я творчества, но д л я живых людей. И Вы пишете и печатаете свои книги д л я читателя. Это не позорно, а прекрасно, как всякий труд для других и как всякое духовное общенье. И еще пишут для себя, для своих папок с набросками и материалами, как художник д л я себя делает кроки и макеты. Просто и ясно. И незачем напрасно тревожить тень Толстого, который требовал и от себя и от других, чтобы писали для всех, для большинства, для массы, и как можно проще и понятнее. <...> Меня Вы произвели в подголоски “стомиллионов”, хотя знаете (должны знать), что я не бесчестнее Вас и не менее отдал всю жизнь искусству слова, и, работая для читателя, душой никогда не кривил и пера не продавал. Как это просто – взять и сказать по дешевому тарифу! Вы – красавец-поэт, а я – пресмыкающееся. Но дело не во мне, а в том, что это – кокетство и обман. Поэт не должен дорожить любовью народа, – но именно для народа творит поэт. “Во имя” и “для кого” – не одно и то же. Творчество во имя творчества – не искусство для

Да, лучше я попаду в список “бывших писателей”, что и произошло, буду только переписывать, отделявая, написанное. Всю мою жизнь меня душила “середина”, самодовольная и самоуверенная, не знающая, что такое сомнение. Если искать точное определение “скуки”, это и будет “середина” – срединное состояние – ни туда, ни сюда. “Средний читатель”, “средний писатель”. Это от среднего читателя я получил отзыв: “пишу не по-русски” – невероятно! Это “средний писатель” всегда обижался, если мое имя случайно оказывалось рядом с ним.

“Середина” всегда все понимает и во всем разбирается. И всегда права. Литература, живопись, музыка – на все готовое мнение и несомненный суд. Более нахального трудно себе представить. И это не зависит от душевного качества, человек может быть и добрый и благородный, но пошляк и нахал в то же самое время: “середина”.

“Середина” требует “легкости и простоты”, под чем подразумеваются “общие места”, и все выраженное со своего глаза “непонятно” – “вздор”.

Дарование убить нельзя, но сколько огорчений должен принять, кто осмелится заговорить по-своему наперекор, и не считаясь, с правилами срединной меры: равнодушие, брезгливое “не понимаю”, да бывает и похуже – оценка “своему”.

И винить некого: середину не передвинешь – не убедишь. И остается принять и, стиснув зубы, нести свою судьбу.

* *

*

Как создаются литературные произведения?

Первое, запись – полная воля и простор слову, только б удержать образ и высказать мысль. Но запись еще не работа. Работа начинается по написанному как попало. В работе глаз и слух, и от них идет строй (архитектура).

Автоматическое письмо¹⁵ не произведение; произведение выделяется – выковывается.

Запись – силуэт или только скрепленные знаками строчки, надо разрубить, встряхнуть, перевести на живую речь – выговаривая слова всем голосом и заменяя книжное разговорным.

Иначе – бесцветные фразы, не светящиеся слова и коротыка – мысль.

искусства (последнее – Ваша формула)” (Amherst Center for Russian Culture, USA. “Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers”. Box 6. F. 4. № 161).

¹⁵ Одно из принципиальных теоретических положений сюрреализма, предполагающее спонтанную вербализацию мыслительного потока и подсознания.

“Важно, говорят, сохранить мысль”. Но пишется, ведь, не мыслями, а словами. И чем глубже мысль, тем ответственнее слово – форма. В музыке и живописи нарушение формы чувствительнее и наглядней: в музыке прозвучит, как “фальшь”, а в живописи неверный “мазок” исказит образ.

Но только живая форма не трафарет может выразить мысль.

* *
*

Наши заграничные писатели невылазные провинциалы. Как-то даже странно: дело происходит в Париже, городе Буало.

Ни о каком “искусстве слова”¹⁶ говорить не приходится.

Парижская мода большой давности и литературные упражнения современной мелочи (в Париже 1600 авторов) на средний вкус железно-дорожных киосков – вот образцы.

Единственное имя войдет в русскую литературу и это будет – Котляревский, все остальные истлеют с бумагой своих книг.

Ни о каком влиянии не может быть речи. Словесная “середина” не излучается и не звучит: не заражает.

* *
*

Моя ошибка, в чем винюсь и прошу прощения, заключалась в том, что упомянув о “общих местах”, мне попали на язык, как пример, два близких вам, а в творчестве совсем чужих, имени.

И говорил я запальчиво-ревниво.

Один из писателей с большим запасом чужих натасканных мыслей, умный, а формально имитатор, по литературному направлению “физиологический реалист” школы Селина (доктор, описывающий парижское венерическое нутро), в русском языке безнадежно не тверд. Пробовал поправлять – не поддается.

Другой автор – “реалист” – пространства ограниченного, только что около носу и лишенный всякого воображения, в русском языке не тверд, но поддается исправлению.

Сами посудите, как могла придти мне в голову мысль говорить о каком-нибудь влиянии на ваш стиль этих “бесстильных” писателей.

¹⁶ Аллюзия на название трактата французского поэта, теоретика классицизма Никола Буало “Поэтическое искусство” (L’art poétique, 1674).

И не злое, злобное чувство обойденного, бывшего писателя говорит во мне, а моя любовь к слову, к вам – к вашему творчеству, моя ненастная любовь.

3. VII. 1948

Проницание вещей (пример: “Письменные принадлежности” Кодрянской) и проникновение событий [“Большой реализм”] (“Пимон Пантей”)

Нет ни важного, ни неважного, нет того, что называется “пустяки”. Всюду раскрытие окна и распахнутые двери, никогда не пустое место, а есть всегда и всюду что-то, и об этом что-то скажет “внутренний” глаз.

Это не “философия”, а именно проникновение. При описании определяется, как “большая реальность”.

Реальность “только что под носом” не больше, как за п и с ь , в которой нет души, она не бьется сердцем

[В мистических школах учили “рассмотрению” вещей, что значит поставить или расположить факты в порядке, а затем – высшая степень – “рассуждение” вещей, тут начинается проникновение в самое сердце живого существа событий. “Рассуждение” вещей просто не дается, механически научиться нельзя]

* *
*

Когда зрение стало гаснуть, а внутренний глаз раскрываться, заострилось осязание и слух.

Я слышу отдаленную мелодию, а в оркестре различаю инструменты. И во мне поет. Музыка меня захлебывает, сбивает, я теряю равновесие.

И еще я заметил свое “восчувствие”. Могу не видеть человека, но при мысли о нем, меня охватывает беспокойство, я вхожу в его душу, и отчетливо вижу его насквозь.

- 1) Любовь не собственность
- 2) Любовь – непременно подъем другого.
- 3) Ревность – бессилие этого подъема.

5. VII. 1948

Не придавать значения словам, значит, обесценить все слова.

Писатели “середины” всегда отбрыкиваются от живого учения под тем предлогом, что живое слово его задавит и в то же самое время, не имея своего стиля, неизбежно следуют образцам безымянным.

12. VII

Вместо “если бы” – “было бы”

4. VIII

Слова надо оголосить и оцветить

Избегать “стал”, “начал”

мне вам этого не дать (по-русски)

я вам этого не дам (перевод)

(Гунде – Шапур) – Кошка – Брыска	комар – зуда
кот – куцый	шмель – бунчит

10. I. 1949

Я где-то писал. Повторяю.

Когда говорят: я буду писать по-своему, это знать, я буду следовать каким-то образцам, не называя имени писателя, но непременно следовать, потому что “свое” такая редкость – “свой стиль”.

Так я ответил Вадиму Андрееву,¹⁷ так ответил бы и Варшавскому¹⁸

Если хотите “свой” подлинно у Яновского, стиль на неизвестном языке, напоминает русский, но не русский.¹⁹

¹⁷ Андреев Вадим Леонидович (1902-1976) – поэт, прозаик, мемуарист, сын писателя Леонида Андреева, поддерживал дружеские отношения с Ремизовым. В своих воспоминаниях он писал: “В Ремизове было глубоко заложено сознание своей литературной миссии – писателя, открывшего некую тайну русского языка, необходимость посвятить в эту тайну читателей и сознание того, что он – свидетель великих событий, о которых необходимо рассказать так, как он один может сделать. <...> Особенности ремизовской прозы выросли из самых глубин русского языка. <...> Однако “поиски природного лада живой речи”, возврат к языку XVII века, еще не засоренному западным словесным нашествием, непривычность для современного уха ремизовской прозы воздвигали между стилистом и читателем стену. От Ремизова с самого начала его заграничной жизни отворачивались, его не понимали <...> Нужен был талант Ремизова для того, чтобы не только сохранить, но и усовершенствовать свой стиль” (Андреев В. История одного путешествия. М. 1974, с. 298-299).

¹⁸ Варшавский Владимир Сергеевич (1906-1977) – писатель, литературный критик, мемуарист.

¹⁹ Яновский Василий Семенович (1906-1989) – прозаик. В молодости безуспешно добивался литературного признания своего таланта Ремизовым. Свое-

И Яновский и Варшавский не владеют материей языка.

“Научить”, значит “пробудить” (открыть)

Научить не всякого можно. Нельзя Яновского, п[отому] ч[то] открывать нечего. Способность к имитированию живому подражанию очень весело, но и горько. Весело, потому что все выходит, не отличишь от оригинала, а горько, п[отому] ч[то] сдуть оригинал и останется пустое место.

12. I

Росстань дорог, р а з в и л ь е дорог, перекресток

Молчальник – молчун

не довольно = не только

только

(Не довольно нам его учить, но он и нас научит)

13. I

Вы родились с “благодатью”. Вас можно “открыть” научить.

Но можно ли научить без благодатного, который все равно как без голоса.

14. I

Надо научиться говорить двумя голосами

1) к кому-то обращаясь

2) и тот отвечает

22. I

Не для критики писать, а для самого себя

элементы анализа литературного произведения:

1) язык

3) композиция (уклад)

стиль (лад)

2) образы

4) жанр (литературный тип)

5) идейность

образным поздним “ответом” Яновского стало негативное изображение личности Ремизова в его мемуарной кн. “Поля Елисейские. Книга памяти” (Нью-Йорк 1983).

28. I. 1949

Мое построение фразы с голоса русского народа, его живой речи. В русском человеке, запутанном образцами искусственной книжной речи я могу пробудить его русскую речевую душу. Я на примере показываю, как зазвучит книжная фраза “немецкой конструкции” на русский лад.

Я могу только пробудить, если есть что пробуждать, и в этом вся моя наука. А мне говорят, что я могу вытравить самостоятельность.

“Все что под Ремизова, – сказал мне Тихонов,²⁰ редактор горьковского “Современника”, – я бросаю в корзину!”

Но разве я сочиняю “стиль”? Мой склад речи – природный русский лад.

*

Без “мысли” нет книги, но книги пишутся не мыслями, а словами.

Критиками (литературными оценщиками) излюбленное выражение: “коряво, но есть мысль”, означает: “не умеет писать”.

И еще есть выражение: “но талантливо”. Если перевести на язык другого ремесла, ну, хоть о часах: “часы неверно ходят, но, посмотрите, как талантливо они сделаны”.

В любом ремесле требуется мастерство, как и в искусстве – в живописи, в музыке, и почему-то в словесном ремесле ваяя, как Бог на душу положит.

31. I. 1949

Работа по матерьялам: изменение текста, дополнение, вставки.

Принцесса Капкча

принц Kupâla (за красоту глаз)

²⁰ Тихонов Александр Николаевич (псевд.: А. Серебров; Н. Серебров, 1880-1956) – писатель, издательский работник, друг и сотрудник М. Горького. “Современник” (СПб. 1911-1915) – ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни. Ред.: Боцановский В. Ф., с 1911 – П. В. Быков, с 1914 – В. Е. Трутовский. О роли А. Тихонова в издании см.: Муратова К. Д. “Современник” / Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917. Большеви́стские и общедемократические издания. М. 1984, с. 192-195. После привлечения в журнал Тихонова в “Современнике” были опубликованы пять сказок Ремизова (См.: Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Établie par H  l  ne Sinany. Paris 1978, p. 130).

3. II. 1949

Для определения литературного произведения три глаза: язык, образительность и воображение.

Магия звуков.

1) родиться

2) открыться – но можно открыть, но не искусственно привить:

“нельзя научиться писать”

нельзя научить петь безголосого

молчальник = молчун = молчок | крикса = крикун

не только = не довольно

росстань = азвилие дорог

16 II 1949

La Réminiscence

Пишущие, хотя бы 20 лет, как Варшавский, по безличным образцам – спросить у кого-нибудь, как это можно – “я пишу своим стилем!” – неизбежно бессознательно вспоминают и пользуются формами неназванных образцов, что называется “реминисценция”.

Редко у какого писателя нет таких реминисценций. Ничего в этом позорного нет.

В нашей литературной среде – болото кругосветного невежества – “реминиссировать” толкуется, как в о р о в с т в о , плагиат.

6. VII. 1949

ассонансы подглагольное – скок (подпрыг)

23. VII. 1949

Вдруг вспомнил сцену: в кругу остервенелых женщина, попалась она в воровстве или еще в каком грехе, с лица струится кровь.

“Бейте! Добивайте меня!” она это говорит таким голосом – из последнего.

25. VII. 1949

Как я могу что-нибудь переделать из своего так, чтобы сделать сухо, когда у меня Душа влажная.

Я<ков> Цвибак

Один приятный человек, порядочный телебень, дал мне дружеский совет: в моих литературных упражнениях “перестроиться” или как выразилась заносчиво и неумно З. Н. Гиппиус: она будет шить простые платья, не фасонистые, так будто бы и я.

21/8. IX. 1949

К Мелюзине (обращается в змею):

Любовь меряется жертвой. (Или что выше:

Грудцын

чистота души или любовь? Испытание любви)

25. IX. 1949

Не захотелось возвращаться домой. И он вдруг понял, что ему ждать нечего, не чему обрадоваться. Все будет серо.

26. IX

Очень поверил, вера нарушена. Трудно свыкнуться с мыслью, что все пропало (образ)

Точно по горбу стукнули.

19. X

К “Мелюзине”: Она сказала ему, чтобы он не спрашивал ее (в субботу она превращается в змею). Он согласился. Но это его и погубило: он попал во власть “нельзя спрашивать” и, конечно, заглянуть к ней.

25. X.

Высшее любви – радование. (Мелюзина)

10. XI.

Замечательный – замечающий

XVII в. Новоросчистные места – новоросчиЩенные

ценовный человек – оценивающий

ценовная роспись – ая

выморная лавка – выморочная

советовав с – и говоря с (советовавшись)

рождественной	– рождественской
спрошал	= спросил
от меня удалёло	– далеко, отдаленно<о>

29. I. 1950

На косо́й (лѣвнѡй) горе
за тростяным болотом (за тросняком-болотом)
у долгого камня
подплелый (подпрелый) (облезлый)
есь = есть

буквы глухие	п к о ы л
озвончатые	б г е и р

потѣс, корынь, любынь, вешние по́ймы
быстрый овраг
Саян ула, Помир, Демавенд, Якушка, накладное золото

21. II. 1950

Лубяная сабля. Вязовый пенъ. Дубец и п о д у б о к
ольховый

25. II. 1950

Мелюзина²¹

Если ты спишь, ты меня услышишь, если проснулся, увидишь. Шли и наступили на камень, камень скovyрнулся и из дыры вылезло и недовольно смотрит.

На скале <?> попал в дом, проспал, а хочу выйти, дверь не поддается, весь дом скрипит: дом окаменевае́т и скоро я буду замурован в скале.

Выдра, коршун, утки, еж – это человек, ушел в лес

Надо знать где остановиться

Откуда получить мудрость: надо броситься в омут без расчета и пройти под водой

²¹ Здесь и далее наброски к повести Ремизова “Мелюзина”, работа над которой велась с августа 1949 по конец 1950 г. Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. СПб. 2000, с. 217-231.

Из палки змея

стол – черепахи, ящерицы, змеи

Сквозь сон слышу за стеной голос. Один говорит: “Иди ты вперед”. Другой говорит: “Нет ты иди”. И входят. Один спрашивает: Где он лежит? Я открыл глаза и вижу: человек с топором (ножом)

bonğuk²²

27. II. 1950

Проходя, он почувствовал, что наступил на что-то. Оглянулся и видит, что своротил камень, а под камнем дыра и чуть дымится. Вдруг из дыры показалась морда и сердито огрызнулась: “Зачем ты разрушил мой дом?”

Подошел к двери и стал толкать выйти, но дверь не поддалась. И он слышит, как дом скрипит. Дом каменел. И ему угрожало очутиться внутри скалы.

4. IV. 1950

Известно в 10 “переводах” (экземплярах)

Разруха (“Великая разруха”)

5. IV. 1950

Для меня не было никогда: “что скажут?” Я говорю о моих литературных вещах. Если скажет: “выписал из Даля!” – но ведь это скажет дурак, не читал ни Даля, ни другие словесные источники.

25. IV. 1950

Отличительное русских ладов – эллипс (опущение)

Иноязычному всегда хочется дополнить

“Сказка и забытые”

Если вставить *сказка* и забыть, этим лад нарушен.

Я уступаю, ч<то>б<ы> не разговаривать: как убедить, когда слушатель не в моих, а в ладах <?> обезличивающей грамматики

²² Bonğuk (турецк.) - бисер, бусы, разноцветные стеклышки.

Грамматическую нивелировку вводят корректоры, всегда уверенные, что знают больше автора

3. V. 1950

стрезоглазка

прикошевать – присоединиться

23. V. 1950

К С. Грудцыну:²³ Если говорят “грех”,

значит, нет любви

любовь исключает грех.

“Дела высылаются вперед” – предопределени[e]

5. VI. 1950

Г р е х – Грех?

Любовь исключает мысль о грехе.

“Жертва” <?>

Любовь всегда и жертва

“<1 нрзб.> пера двух”

31. VII. 1950

Точное определение: я – ценитель слова

верболятр (verbolatre)

logolatre

“Иверень”²⁴ – Une Esquille

Живут не искусством, а жизнью

Само искусство от жизни.

24. X. 1950

К Мелюзине: вечное – надежда...

²³ Здесь и далее заметки к повести Ремизова “Савва Грудцын”, работа над которой продолжалась с конца 1948 г. по май 1949 г. Размышления писателя связаны с работой над корректурой издания повести, см.: Ремизов А. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж 1951. 96 с. Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература, с. 187-207.

²⁴ Название книги А. Ремизова. Впервые опубликована отдельным изданием: Ремизов А. Иверень. Ред., послесловие и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley 1986. 386 С.

Любовь – не сгораема, а надежду
можно погасить. – тихий свет свечи

3-4. XI. 1950

Никогда я не чувствовал себя таким покинутым,
как в последние дни.

Я в волне неудач. Для Мелюзины заметил, что вечное в мире только
надежда.

А теперь спрашиваю себя,

Какая же мера надежды?

Мера надежды – Истоцившаяся надежда – отчаяние.

уверенность Мера надежды вера.

обнадежить – Чем сильнее [надеется] верит человек, тем

уверить глубже надеется.

Есть ли срок на неосуществл[енную]яемую надежду? Есть – этот
срок – степень силы уверенности. И чем сильнее эта уверенность тем,
тем при неосуществлении, опустошительнее. И опустошение зияет от-
чаянием.

6. XI. 1950

Только то и живо, что из чувства. Из чувства выблискивает мысль,
загорается образ и слово.

Самый яркий пример: Достоевский

7. XI. 1950

Что такое воображение?

Говорится: “это ваше воображение, а на самом деле происходит оно
так...”

Стало быть, воображение тоже, что выдумка.

И одни могут выдумывать – вообразить, а другие никак.

И откуда эта способность?

Воображаки не могут мириться с тем, что есть

Человек без воображения – серый.

Воображение – творчество мысли.

Есть, стало быть, мысль цветущая и есть одни листья.

8. XI. 1950

Чувство, только чувство возбуждает мысль. Мысль может и без чувства, как слово без образа. Но основа мышления – чувство.

Можно себе представить оципанное – без мыслей, но живое без чувств не существует.

11.XI.1950

Воображение – игра мыслей, творчество мыслей. А источник игры – вдохновение, наитие.

14. XI. 1950

Тот кто любит, у того нет глаз. (Раймонда не испугали бы никакие превращения Мелюзины да он и не испугался, а руки простер змее)

18. XI. 1950

эти с русских полей васильковые
лесовые – медвежьи и воздушные
цветы – свет вечерних зорей

* * *

осеребрить русским инеем*

8. I. 1951

Есть духи, могут превращаться в змей, лягушек, птиц. Они превращаются не по своей воле на срок.

Все эти духи женской природы

Превращенные, они сбрасывают с себя шкурку и являются в образе человека

Если съесть шкурку, образ человека останется, но доля такого человека плачевна.

Такой дух был отпущен на землю и у него была защита: его шкурка

Без шкурки он не может вернуться к духам и обречен оставаться на земле.

Но он не назначен быть земным и потому на земле он беспомощен – урод – и его доля плачевна

* Далее записи продолжены после раздела “Тетеревиная лапа” (лл. 41-45) на лл. 46-51 об.

Шкурку можно сжечь случайно, или из любопытства, что станет с этим оборотнем, или из ревности

Отпущенные на землю узнают друг друга.

Зачем они обрекаются на жизнь на земле, я не могу сказать.

Если в сказках поминается ревность: одна подкараулила другую – соперницу – и сожгла ее шкурку, значит эти духи посылаются на любовное или как сказано “плодиться”

Возможно, что так зарождаются феи: человеко-духи.

11. I. 1951*

И вдруг я понял моя счастливая “сорочка”, в которой я родился, ее украли “бабка” и сожгла. Теперь для меня так ясно. Вернуться в тот мир мне заказано до срока, обречен оставаться с людьми беззащитный – какая горькая доля! И мое счастье – горькое счастье.²⁵

Предлагаемые [девять сказок] сказки пишу по матерьялам: книги – монгольские, санскритские и арабские.²⁶ Из затаенных веков доносит [до меня] мне голос и я переговариваю по-русски, русскими ладами.

11. II. 1951

А человек пошел к себе, в дом. Обглоданная мечта! Бедная любовь! Любовь можно нарядить в любой только наряд, но душу и любви не переделать: волк смотрит в лес, мышшь в нору.

[Бедная любовь, обглодан<ная>]

* На л. 46 об. параллельно тексту на л. 47 переписана “набело” запись от 11.I. 1951: “И вдруг я понял, моя счастливая сорочка, в которой я родился, – ее украли бабка не на счастье, а сожгла. Теперь для меня так ясно. Вернуться в тот мир, мне заказано до срока. Я обречен оставаться среди людей беззащитный. Какая горькая доля! И мое счастье – горькое счастье”.

²⁵ Вариант финала произведения Ремизова “Подстриженными глазами”, финала, вероятно, введенного в текст в процессе подготовки книги к изданию 1951 г. Ср.: Ремизов А. М. Подстриженными глазами / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Под ред. А. М. Грачевой (гл. ред.), Т. Г. Ивановой, А. В. Лаврова, Н. Н. Скатова, О. П. Раевской-Хьюз, Н. М. Солнцевой. Т. 8. М. 2000, с. 259.

²⁶ Вероятно, речь идет о предполагаемой целостной публикации цикла сказок, печатавшихся в начале 1950-х гг. в газ. “Новое русское слово” (Нью-Йорк), см.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Établie par Hélène Sinany. Paris 1978, pp. 164-169.*

А человек пошел к себе в дом. Бедная любовь!, обглоданная мечта! Любовь [можно нарядить] украсит любой наряд, но душу не переделать: волк смотрит в лес, мышь в пору.

20. II. 1951

Изречение мудреца.

“Я не люблю, когда мне читают мне надо глазами”

Я сказал:

“Мне тоже. Я никогда не мог слушать, лекции я записывал”

Мудрец прихлебнул воздух:

“Вы говорите, туман”.

И я понял, мой собеседник глухой и его мудрость “не люблю слушать, легче глазами” – органическая: я почти ослеп, но слух – я все слышу, даже гугню.

21. II. 1951

Чтобы научиться писать, надо научиться чтению книг. Книга не развлечение, а наука. Не пробегать строчки глазами, а глотая слова следить за строчкой

Когда говорят: Толстой или Достоевский, надо спросить себя: кто из них сказал больше о человеке. И ответ будет один: да конечно, Достоевский.

Впрочем, Достоевского читают глазами для острого развлечения, а о том, что он показывает, не задумываются: голова не подготовлена

2. III. 1951*

Искусство – убедительность

4. III. <1951>

“Легкая жизнь” это совсем не то, что “люблю повеселиться”

12.III.1951

“По миру ходить не весело!”

* На чистом л. 51 об. Ремизов наклеил листок с записью Кодрянской: “Все держится на подлости, // А[лексей] М[ихайлович]”. Под записью сделаны дневниковые записи от 2 и 4 марта; над ней – запись от 12 марта; на вклеенном листке под самым текстом Кодрянской – запись от 25 марта.

вот что я подумал о себе – своей жизни. И скажешь другой раз не с доброго сердца да от постоянного из постоянного измыка: как удержаться, не пропасть!

25.III.1951

Из тумана повествования
надо выдирать образы

ТЕТЕРЕВИНАЯ ЛАПА НАПАРХНУТЫЕ МЫСЛИ

В ночь на 16. X. 1949*

Приговоренный к смерти зная свой час, ужаснется, когда его разбудят в утро казни.

Есть и у приговоренного надежда – вера, что совершится чудо и казнь отменят.

Ему говорят: “невозможно”. И он поймет: “нельзя”. Но пока жив человек, этих слов он никогда не примет. Они заглохнут и чем безнадежнее, тем уверенней вера в чудо, что произойдет что-то и поправит и самое неисправимое и отменит приговор.

Решения всегда приходят не без основания, это истина. Надо всегда допытываться о источнике. Оснований решений часто что-нибудь решающий и сам не знает о источнике его решения.

Например: я заметил, от меня уходят и наиболее из живых людей и каждый объясняет себе разными почему: одному некогда, другому я мешаю в его жизни или от меня беспокойно, а он хочет жизнь свою сделать покойной.

А на самом деле и пусть все это верно, источник “некогда” и “спокойной совести” в том, что они почуяли п а д а л ь и этим мне открыли что я переступил грань жизни и [скорыми] верными шагами иду к своей могиле, угасая.

В ночь на 18.X. [1949]

Думал о власти “самосохранения”. А что еще есть под этой волей самосохранения?

* Раздел “Тетеревинная лапа” расположен в середине тетради на лл. 41-45.

Ведь говорится: “будь что будет”

Говорят: “Очертя голову” не думая. Стало быть, есть силы
безрассудно

выше “самосохранения”: какое-то живое яркое чувство, вопреки самосохранению. Чистое самосохранение, стало быть, под ним ничего, безразлично.

20. XI. [1949]

Раздумываю о “Мелюзине”, нет до сих пор материала. Когда он подсмотрел, как она превращается в змею, и она узнала, что он нарушил слово, она оставила его. И начинается его пропад. Он вдруг почувствовал, что в мире нет человека, кто б любил его, что он один. Может, и не почувствовал бы так остро, если бы не было такой полной любви до тех пор.

26. XI. <1949>

Я хотел назвать книгу: полóдни ночи, но слово “полодни” [так близко к “полудни”] по [привычке] созвучию сойдет за “полудни”. А жаль: “полодни” – весеннее дыхание земли, “полодни ночи” сны. Пусть будет “тонь ночи”.²⁷

27. XI. [1949]

Ч<то>б<ы> изгорело: замучить себя работой

30. XII. <1949>

Взбужа, Возбуж.	Дубовик
Дубовые ветки, дубновые корни	Дубна
Глазун	
Плетень	
Медвежья сырая сосна	
буроломный пенъ	

²⁷ Имеется в виду работа Ремизова над книгой своих снов (Ремизов А. Мартын-Задека. Сонник. Париж 1954. 103 С.). См. его письмо Кодрянской от 22 августа 1949 г.: “Кончил переписывать сны. (Полудни ночи). Всего 60 снов. 100 страниц тетрадных, 4-е тетради. Соедини с предисловием до после смерти: кто-нибудь найдет на полке. Может быть, придется сделать три копии на машинке” (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж 1977, с. 143).

Б А Т А Ш (Шейн)²⁸

20. I. 1950

Вьялица пургом метелицу выюжит –
ва́лит снег.

Гусиные вяды пропали,
лисьи кряжи не видно

Дорога в сугробах.
И память избь́га. *

29. XI. 1950

Только преступление – просвет
в жизни. Ровная жизнь – сумерки

“Любовь выше клятвы” (Личарда)²⁹

²⁸ Имеется в виду кн.: Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы собр. и привед. в порядок П. В. Шейном. В 2-х т. СПб. 1898, 1900.

* Фольклорный текст отчеркнут карандашом слева на полях.

²⁹ Лейтмотив верного рыцаря Личарды – героя повести Ремизова “Бова Королевич”, работа над которой велась с декабря 1950 по март 1951г. Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература, с. 231-251.

ЛБОМ В СТЕНУ!*

Тайна: зачем все было так как вышло.
Какое злое сердце могло придумать такую кару – отнять все.
Мои глаза, голос, быстроту – всю мою веселость духа.
Чувствую себя нищим с протянутой рукой:
– Подайте милостыню, Христа ради.

Я готов был принять боли сколько влезет в мою душу. И меня доконало – и ведь совсем не откуда ждал: удар по глазам.

Книга – источник общения – для меня закрылась. Я остался с самим собой.

Тут вот я и почувствовал свою “бедность до истощения”. И ничего не остается, как писать свою отходную.

*

Ждать мне больше нечего.

Я продолжаю повторять “чтобы отделаться”, что означает “отделаться” для чего-то главного, “главное” – отделяется и нет просвета. Я как бы выскользнул из жизни – все где-то там, за этой стеной.

Бьюсь лбом об стену – не могу принять свою долю – смириться. И как смириться – я не чувствую себя раздавленным – я только выброшенный. – Заживо погребенный. И я не слышу в себе голос мертвеца: прощайте! Непокорный, бьюсь головой об стену.

Загнала судьба. Где и когда я был желанный или на месте?

Много я принял упреков. Не перечить черных дней, конечно, я был не прав, и это мое “по-своему” – такое не проходит бесследно, непременно заденет.

Покоряюсь, но только не понимаю, зачем? Какой толк из всех моих бед? Поумнел я что ли? Говорят о “внутренних” глазах. Возможно, но я кроме этих слепых не замечаю: на месте глаз – пустота – яма.

* *Было:* Мой разговор в стену

Я знаю и радость, отравленная судьбой – разлука.

Я никогда не стоял, сложа руки. И не знаю, что такое скучать. Когда чтобы убить время рады бывают скучному гостю.

У меня всегда была книга. И если я жаловался, то вовсе не <на> скуку – тишину пустых часов, а на часы, которых не хватало на книгу.

Все перечесть невозможно – я это знаю по библиотекам. Но это меня не останавливало. Я читал книги не для того, чтобы убить время – скуку – а для того, чтобы знать. Меня увлекали мысль и жизнь. Я не скучал, но и мечтателем я не был.

Музыка раскрывает душу, другими глазами я смотрю на мир. Под музыку углубляются дали. Чудесное звучит. Свет – вестник. Светящийся голос (музыка) – душа жизни. Чудесное в снах: сны музыкальны. Музыка снов – дыхание, окраска.

*

Чудесное сновидений – сказка.

Сказка – сновидение въявь.

Непохожее – чудное – из сказок от мира в жизнь.

*

По рассказу М. М. Пришвина вспомнил.¹

Пришвина выгнали из 8-го класса Елецкой гимназии, выгнали его по настоянию учителя географии В. В. Розанова за “козла”. Розанова гимназисты не любили и прозвище ему было “козел”. Раздражительный, придирчивый, слюнявый – козел.

Вина Пришвина: потеряв терпение, он в лицо выпалил: козел. И за “козла” жестоко поплатился: нечего было и думать о восстановлении. Никакие просьбы не смягчили приговор. В. В. Розанов остался непреклонен. Пришлось подчиниться. В Лейпциге закончил агрономическую школу. Заграничным агрономом вернулся в Елец. В 1908 г. наше знакомство. С книгой “В стране непуганых птиц” он пришел к Розанову. Его мечта, как он встретится с учителем – не выгнанный гимназист, а агроном и писатель.

“Все эти годы я думал о встрече”.

¹ Пришвин Михаил Михайлович (1873-1954) – прозаик, публицист, литературный ученик и близкий друг Ремизова в конце 1900-х и в 1910-е гг.

Несмотря ни на какие встряски я не давал никаких клятв показать себя, я никому не грозил: “утру нос”. Ни музыканта, ни художника, ни ученого из меня не вышло.

Я попал в круг писателей – второго сорта. Никакой претензии на высшее место у меня нет и никогда не было – люблю слово и литературу. Мой ответ себе: с большим желанием при ограниченных средствах, но удалось ли мне что-то сделать и с чем я уйду из жизни?

*

На доброе есть определение – улыбка. На злое говорят: “черты лица искажены”. Я видел женщин с искаженными лицами. Всем кажется мое существо с таким искажением. В природе среди зверей находят злое начало. Но разве можно представить себе злое в деревьях? Чем выше, тем злее – и совершенство – один искаженный холодный раскол.

Злое семя.

*

Милосердие – милость – милостыня – чувство открытое мне, а злое – я могу различить, но передать мне по силам, уж очень чуждо. И если злое – терпеть, я бескостный.

*

Беда – эти вонзающиеся клыки в живое, в доброе сердце. – Моя доля. А над бедой небо: солнце, месяц и звезды.

Смотрю через “Посолонь”.²

*

Я позвонил швейцару и скрылся за дверью

И потом не раз я вспоминал и эти глаза и эти очи – из другого мира. Тема моих “Крестовых сестер”.³

*

“Крестовые сестры” – спутницы моей жизни. Чувствую свою бедность до истощения. Не подымут меня и “Крестовые сестры”.

Без выверта и вивиха у меня ничего не выходило. Меня надо было ударить, чтобы пробудить. Я отбрыкивался и принимал законы природы, но над этими законами есть и не может не быть еще какого-то закона,

² “Посолонь” – книга сказок А. Ремизова. Впервые.: М. 1907.

³ “Крестовые сестры” – повесть Ремизова. Впервые: Литературно-художественные альманахи издательства “Шиповник”. Кн. 13. СПб. 1910, с. 159-297.

установившего этот закон природы. Религии говорят о богах-законодателях, но зачем понадобилось богам (демиургам) ставить законы, на это не может быть ответа. Если демиурги создали человека по образу и подобию своему, и все живое глядит глазами творцов, можно понять “богомиллов” (манихеев), отвернувшихся от этого мира.

*

Мысль о России никогда не покидала меня
 “Волшебная Россия”⁴ – Посолонь
 Русская вера – Сказки, легенды, жития
 Русская отреченная память – Лимонарь, Звезда надзвездная, Пчела⁵

Русская русалия – Театр Бесовское действо

Иуда

Егорий⁶

Русские повести – О двух зверях .

Бесноватые

Мелюзина

Тристан, Бова

Соломон, Соломония⁷

⁴ “Волшебная Россия” – вариант авторского названия последней редакции книги “Посолонь” (изд. под прежним названием: Париж 1930. 240 с.).

⁵ “Лимонарь” – первая книга ремизовских переработок древнерусских апокрифов (Впервые: СПб. 1907. 136 с.). “Звезда надзвездная” – название книги ремизовских переработок богородичных апокрифов, куда частично, в переработанном виде вошли тексты “Лимонаря” (опубл.: Париж 1928. 80 с.). “Пчела” – название книги, созданной Ремизовым в последние годы жизни на основе новых редакций своих ранних изданий переработок апокрифов и патериковых рассказов. Окончательное название – “Изборник. Цветы полевые”. Осталась не опубликованной (Собрание Резниковых). Изначально “Пчела” – восходящее к греческому источнику название древнерусского сборника поучительных изречений и афоризмов, выбранных из Библии, творений отцов церкви, античных авторов.

⁶ Имеются в виду драматические произведения Ремизова “Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью” (1907); “Трагедия о Иуде, принце искаротском” (1909), “Действо о Георгии Храбром” (1912).

⁷ Названия книг и отдельных произведений Ремизова: “Повесть о двух зверях. Ихнелат” (Париж 1950. 62 С.); “Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония” (Па-

Сказки русского народа – Докука и балагурье⁸
Образы русской женщины⁹

Взвихренная Русь¹⁰ – революция

Россия в письменах¹¹ – История по обрывкам

Русский – Россия через всю мою жизнь. Пишу по-русски и ни на каком другом.

Русский словарь стал мне единственным источником речи и склада ладов – оборотов речи. Я вслушивался в живую речь и следил за речью старинных письменных памятников. Имея дар слова, я овладел словесным течением природной русской речи.

Не все лады слажены – русская книжная речь разнообразна, общих правил синтаксиса нет и не может быть. Восстанавливать к[акой]-н[и-будь] речевой век не думал, и подражать, не подражал, пишу на свой лад, перебрасываю слова и строю фразу как во мне звучит.

Веду свое от Гоголя, Достоевского, Лескова. Чудесное от Гоголя, боль от Достоевского, чудное и праведное от Лескова.

Имя мое сохранится в примечании к этим писателям.

Не разберу, на чем я кончил. А стало быть судьба кончать – “до радостного утра”.

31. VII. 1955

риж 1951. 96 с.); “Мелюзина. Брунцвиг” (Париж 1952. 72 с.); “Тристан и Иольда. Бова Королевич” (Париж 1957. 141 с.); “Круг счастья. Легенды о царе Соломоне” (Париж 1957. 74 с.). Сведение их в единую рубрику подтверждает замысел Ремизова создать цикл произведений, названный им “Легенды в веках”. См.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература, с. 167-168.

⁸ Название сборника сказок Ремизова (СПб. 1914. 279 с.).

⁹ Название последней неопубликованной редакции сборника сказок Ремизова “Русские женщины. Народные образы” (Пг. 1918. 146 с.). Хранится в парижском архиве Ремизова (Собр. Резниковых).

¹⁰ Название книги Ремизова (Париж 1927. 530 с.).

¹¹ Название книги Ремизова (Т.1. Берлин, 1922. 224 с.; Т. 2 остался не опубликован).

А. Р.

(Дом, отмеченный войной)

1.

Париж. Отой, улица Буало. Новый послевоенный дом, отмеченный: на стене второго этажа около крайнего окна “печать гнева” – черная дыра разорвавшегося снаряда – квартира Ремизова.

Гроза прошла, сердце успокоилось.

Год за годом, дни за днями. И там где зияла чудовищная впадина, торчат тонкие прутики, а в вечерний час длинный внимательный клюв и не гневом – забота и теплота жизни – гнездом умной птички отмечен дом.

Я расскажу об этой загадочной птичке. В холодные солнечные дни она слетает из гнезда к окну на подоконник и клювом старается приоткрыть окно – солнце греет и лепит, немудреная, она убеждена: источник тепла и света в комнате.

Если бы она знала, какой печалью покрыты для меня книги.

2.

В дом войти очень просто: летнее время дверь настежь. В сенях светло, незаметно по ковру прошмыгнешь мимо консьержки к стеклянной двери и если помнить: 2 этаж, снаружи отмеченный птичкой, смело подымайтесь по лестнице! Темновато и ступеньки не по прямой, а вывертом, вернее будет держаться за перила. Этаж слева показан цифрой. Не заметите, как окажетесь: стою на площадке – четыре двери беспокоят консьержку – спросить – квартиранты не любят когда к ним зря ломятся с чужой фамилией. Да и не к чему надрывать с консьержкой, оглядитесь внимательно: * дверь направо с зеленой наклейкой.

Французы не объявляют, как не пишут на конверте адрес отправителя, стало быть, на это зеленое прямой путь без заворота.

Наклейка действительно не глазам показалась, а висит зеленая и надпись, но совсем ненашими буквами надпись, и довольно-таки, пальцами захватанная – любители трудились вникнуть в тайнопись.

* *Было*: попристальной.

Не без труда читаю – но это не имя, не фамилия, а головная армянская загадка: “висит зеленая и поет”. А ниже на белом лоскутке не хозяйской рукой по-французски: “прошу стучите” с припиской по-русски “тихо”.

Но ни кулачить под барабан, ни тихонечко мухой сесть и лапкой водить не требуется: дверь затворяется только на ночь – днем путь чист.*

3.

Длинный пустой коридор “трактирные обои” – цветы и за четверть века не выцвели, веселят стену. На вешалке слепая белая палка. От палки вверх и вниз на кнопках объявления: с кем и где и кто и куда повез – объявления за дверью на случай [если] наброжему и таскуну: не топчись под дверью, а входи – долго ждать не придется: хозяин редко покидает свой многолетний затвор – слепому без поводыря некуда.

Глаза перебежав по цветам вернутся к слепой белой палке – “поводырю” и вас потянет к себе раскрытая дверь в кухню. По кастрюлям вы сообразите, что попали в кухню. Под кастрюлями стол, два стула и табуретка троим место обеспечено. А запихнуться могут – да сколько, конечно, в неестественном со-стоянии [так! - А. Г.] четыре сжатыми дверцами шкафа четыре плеча втиснулись в окно с непроницаемыми стеклами “катедраль” два рта можно расположить у раковины. Еще двух можно поставить в дверях: одной ногой в кухню, другая в коридоре. Кухня историческая, каких только гостей не вмещала в себя – вмещалось в этом углу пространстве. Писатели, художники, музыканты – французы и русские: [помяну покойников: Лев Шестов, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Е. И. Замятин]. По коридору направо комната на каштан. Каштан наглядно отмечает времена года зацветет белым цветом – весна; не белые весенние белые свечи [так! – А. Г.] – теплые снежные хлопья, как свечи – зима, увидите темную зелень – лето пришло, а золото – поздняя осень.

“Так по каштану, говорит Ремизов, я слепой не ошибусь веду круглый счет моих последних лет. С болью я расстаюсь и все хочу убедить себя, что по моей судьбе и по-другому никак. И мне надо все принять. Скручу себя еще туже. Зову в пустоту и сам же себе отвечаю и разве от этого моего хрипа я “поумнел”? Или – когда бы вся эта боль просверлила в моей твердой душе колодезь. Меня бьет жажда. Когда я еще видел, чтобы различать даже <?> самые строчки, мог играя – колдуя над словом, я мог выразить свое испугание, а теперь – ждать мне нечего”.

* После начата фраза: “По легким толчком дв<ери>”.

Каштановая комната С<ерафимы> П<авловны>, а теперь архив и книги, с которыми, несмотря ни на что я не расстанусь: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой.

Под “образами” вдоль стены стол. Из собрания икон остался один “Покров” и нет бисерной стены¹ и только выцветшие синие обои – цвет пасмурного неба. Под “Покровом” в разноцветных папках рукописи – приготовленные к печати книги:

- 1) Иверень (1897-1904)
- 2) Петербургский буерак (1906-1918)²
(Шалапин, Горький, Рыков<?>, Замятин)
- 3) Учитель музыки (стоглавая повесть)³
1923-1931, Париж
- 4) Плачужная канава⁴ (Петербургский роман, тема “Крестовых сестер”)
- 5) Россия в письменах II-ой том
Это все большие книги, а есть поменьше.
- 7) Пчела. Полевые цветы. Сборник легенд
- 8) Павлиновое перо. Нерусские сказки.⁵
- 9) Петр и Февронья. Григорий и Ксения.⁶ (Русские легенды).
- 10) Бова Королевич. Повесть.

¹ Имеется в виду коллекция бисерной изделий XIX в., принадлежавшая С. П. Ремизовой-Довгелло. После ее смерти Ремизов подарил ее дочери В. Л. Андреева – О. В. Карлайль.

² Отрывки из книги опубл. под загл.: “Встречи. Петербургский буерак” (Париж, 1981. 293 с). Полностью, в авторской редакции публ.: Ремизов А. М. Петербургский буерак. Подготовка текста и коммент. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 10. М. 2002.

³ Впервые опубл.: Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Подг. к печати, вступ. статья и примеч. Антонеллы д’Амелия. Paris, [1983]. 576 с.

⁴ В авторской редакции полный текст впервые опубл.: Ремизов А. М. Плачужная канава. Подготовка текста и коммент. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 4. М. 2002, с. 283-454; 511-545.

⁵ Сборник легенд и сказок. Опубл.: Ремизов А. Павлиным пером. Публ. и коммент. Н. Ю. Грякаловой, СПб. 1994, с. 17-190.

⁶ Планировались к изданию отдельной книгой в изд. “Оплешник”. Издание не было осуществлено. Опубл.: Ремизов А. О Петре и Февронии Муромских, “Возрождение” (Париж) 1955. № 38. Февр., с. 30-43; Ремизов А. Григорий и Ксения, “Возрождение” 1958. № 73. Янв., с. 40-48.

- 11) Тристан и Исольда⁷
- 11) [так! - А. Г.] Аполлон Тирский⁸
- 12) Легенды о Соломоне⁹
- 13) Вереница. Книга о детях.¹⁰
- 14) Образы русской женщины. Сказки.
- 15) “Пруд” – 3-я редакция¹¹

И еще стол небольшой посреди комнаты:
французские рукописи [переводы].

И зеркальный стеклянный шкаф.

20 толстых тетрадей: сны за 13 лет.¹²

Тут же 6 книг изд<ательства> Оплешник: 1) О двух зверях 2) Бесноватые 3) Мелюзина 4) Мышкина дудочка 5) Огонь вещей 6) Мартын Задека.¹³ “Если бы не было “Оплешника”,¹⁴ – говорит Ремизов, – мое имя не существовало бы на книжном рынке. Я не “самоокупаем”, издание и маленькой книги не пустяк, швырять деньги на подкрепление мышам, или какую надо высокую оценку моей посредственности, чтобы решиться на пуск мышепитание.

⁷ Опубл.: Ремизов А. Тристан и Исольда. Бова Королевич. Париж 1957. 141 с.

⁸ На обороте последнего листа кн. “Бесноватые” среди запланированных в “Оплешнике” книг указаны “Аполлон Тирский и Царь Аггей. Из Римских деяний”. Издание не было осуществлено. “Аполлон Тирский” впервые опубл.: Аргус. 1917. № 5, с. 5-33.

⁹ Ремизов А. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Париж 1957. 74 с.

¹⁰ Не опубликовано. Наборная рукопись книги, составленной из рассказов, публиковавшихся ранее, сохранилась в парижском архиве Ремизова.

¹¹ Опубликовано только предисловие к книге. См.: Ремизов А. Подорожие. Публ. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 2000, с. 505-507. Наборная рукопись книги, представляющая собой печатный текст издания (Пб. 1908) с многочисленной авторской правкой, сохранилась в парижском архиве Ремизова (Собр. Резниковых)

¹² Возможно, речь идет о рукописном источнике: Ремизов А. “Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933 – 8.XI.1937. (Первые 100 снов у Лифаря)”. ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 46.

¹³ Имеются в виду изд.: Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж 1953. 207 с.; Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж 1954. 224 с.; Мартын Задека. Сонник. Париж 1954. 100 с

¹⁴ “Оплешник” (Париж) – некоммерческое издательство, основанное друзьями Ремизова для издания его книг в 1949-57 гг.

Самоотверженный “Оплешник” выпускает* мои книги в количестве 300 (трехсот) экземпляров, мне давали на руки 100 (сотню) и я раздавал книги “на поминок” – ведь это единственное, чем я могу выразить мою благодарность за доброе ко мне отношение. Мою благодарность – видел и вижу добра к себе и незаслуженно! –

200 на продажу. Из этих 200 (двухсот) 40 в Дом книги. Цена 300 новых франков. На большее я не могу рассчитывать теперь.

А бывает, как это случилось с “Мышкиной дудочкой” – за год разошлось 16 экземпляров.

Самоотверженный “Оплешник”. И когда я подумаю, что было б без “Оплешника”: мои ненапечатанные книги = рукописи меня замучили б. Я готов отказаться от [вс]его, вытерпеть холод – книга для меня все”.

* * *

Из рукописной каштановой дверь в “караульную”. Дверь заставлена полкой с книгами, с которыми я не расстанусь, несмотря ни на что.

В “караульную” другая дверь из коридора. Когда-то необитаемая – сырая стена, течет постоянно, под жильё не годится. В окно глядит все тот же каштан. Со двора “пубели”,¹⁵ одно лето и зиму жили коты, по вечерам, когда выносят ордюры, кошачьи хоры заглушают радио.

Куда делись коты, никто не знает, как до котов крысы.

Кровать покрытая брусничным вязаным одеялом к теплой стене и буфет к сырой, никакой посуды, и только овсянка, чай и сахар. В углу зеркальный бельевой шкаф – соблазн для караульчиков повертеться.

4.

Против “караульной” дверь в “кукушкину” – единственная комната на улицу. В окно прямо в лицо серая мейеровская стена из “Идиота” (комната Ипполита) под этой “неразрешимой” стеной гараж. Летом на крыше рыжий дикий кот из Гофмана ему нет никакой стёны [так! - А. Г.] и никаких котов в сапогах, он и не глядя видит сквозь крышу хозяйские запасы и мышинный закуток, а летом под стеной на крыше лежит снег, как “в России”.

Если высунуться из окна перед глазами будет не серая стена, а зеленая живая – сад: когда-то клиника – последний прощальный час Равеля и Льва Шестова, потом в оккупацию госпиталь – памятный мне, в этом го-

* Было: печатает

¹⁵ Пубель – от фр. *poubelle*, мусорный ящик.

спитале померла С<ерафима> П<авловна>. По весне прилетают дрозды и до Петрова <дня> сад наперекос <?> певчей стене.

Улица не мотоциклетная, а в августе и совсем тихая. Когда бродячий [1 нрзб.] пиликал на скрипке свой чувствительный романс или с надсадом горе-певец – поскорее бы кончил! Когда редкий вечер жуткий вой резким рубом как ворвется в вечернее затишье: человек-собака вышел на прогулку: он не виноват, он не нарочно, в войну провел сутки засыпанный землей, но этот его лай пугает, когда и этот лай угомонится и гараж, перевздыхает вернувшимися усталыми автомобилями, в саду сторож ночи гукает филин – “пугач”.

“Взгляните сюда, – сказал Ремизов, показывая на госпитальный двор, – вы видите бетонную площадку, тут стоял дом, жили монашки “обслуживали” мертвецкую, мертвецкая вглубь под мейеровой стеной, дом, искалеченный бомбардировкой сломали и остался только фундамент – площадка. – Это так у меня сказалось “бетонная”, а вернее было б: “колдовская”.

Помните ваш прошлогодний осенний отлет поздним вечером вы заглянули ко мне проститься вслед за вами я вышел на улицу и очутился на госпитальном дворе, но я стал на бетонную площадку, опустил руки, спальчил ладони и как колокольной веревкой кочнув несколько раз влево и вправо и обратно влево, без крыльев силою моего жаркого <?> вскрывшего желания поднялся с земли в ночь. И всю ночь на высоте 6000 метров я летел впереди меня [так! - А. Г.] по бурлящей черной воздушной волне вашего аэроплана.

Меня перекувыркивало, сшибало из стороны в сторону, но я глазами на огонек, вонзаясь как иглой, летел.

Стало светать. И когда мой путеводный огонек погас и в мыслях сказалося “прилетели”, я разжал руки и меня сбросило на землю.

Я очнулся в Шотландии на скалистом берегу моря. Я выбросил из жестяного цилиндрического судка размер на 76 два ломтика говядины и двести картошки. Из “гамелка” (по-французски <1 нрзб.> – la gamelle¹⁶) выпали на камни вареные бараньи мозги”.

Прежде чем затворить окно стоит поближе взглянуть и на это чудесное превращение: справа на стене из черной дыры “печати гнева” торчат прутики – заботливое теплое гнездо, а вот и сама птичка.

– Это она выглянула на вас полюбоваться, – говорит Ремизов, любясь на своего гостя.

¹⁶ La gamelle (фр.) – солдатский котелок.

А до птички жил ящур. И близко я никогда не видел ящериц, – говорит Ремизов, – и никогда не трогал руками эти солнечные блески. О их природе знаю ваших сказок – вашей глубочайшей памяти о том безвременном, когда хаосом носился Дух Божий как и на пляшущем море первая жизнь. С первыми лучами солнца возникла жизнь – “воронье царство”.

[STO (по набору STO)

четырехлапая змея ящера – молодая ящерица
мейерова стена]

Это было в то действительно варное лето, когда у одной благочестивой “девственницы” и мученицы в ее подвале на подоконнике вылупился из яйца цыпленок, о чем много тогда говорили, а сама “присноблагенная” служила молебен об “обновлении <1 нрзб.>”, а о не менее чудесном случае в “кукушкиной” мало кому стало известно, да и не поверили бы моему рассказу. Я получил небольшую посылку – с почты <стро>ва Олерона от Pierre Boutain.

P.S. С чувствительной душой, расстроенный <?>, по набору “STO” он отправлен в Германию на работы, не пригодный к технике, его определили в женский еврейский лагерь рыть могилы – там пробыл он год, оттого верю в его стихах из стихов René Char¹⁷ и Henry Michaux¹⁸ стук и лязг костей и не смиренная гуль.

В “кукушкину” привела его моя вышедшая после “Освобождения” книга “Sentier vers l’invisible”.¹⁹ Русские не любопытны. И вовсе не потому, что “стесняются беспокоить”. А плохой “француз”, но так как Pierre – я все понимаю я могу писать понятно, Pierre мне напомнил Осипа Мандельштама: весь движущийся* и внезапный. В Париже он пробыл недолго, вернулся на остров. Только что помер его отец – нотариус в St-Denis и родственниками решено было приучать его к делу. Часто я получал от него письма и всегда стихи.

Я думал, что в посылке морские камушки или какие-нибудь особенные коряжковые серебряные устрицы, но открыв крышку – исскоча,

¹⁷ René Char (1907-1988) – французский поэт.

¹⁸ Henry Michaux (1899-1984) – бельгийский поэт и художник.

¹⁹ “Sentier vers l’invisible. Nouvelles”. Traduction et préface di Jean Chuzeville, Paris, Les éditions du chêne, 1945, 205 p.

* Было: обращающийся

брякнулся на стол зеленый ящер. Очнувшись, он соскочил на диван под блестевшие на солнце мои цветные конструкции – его глаза жадно дышали солнцем.

Много было с ним возни – неуловимый: с дивана он соскочил под диван, потом под книжную полку, под радиатор – так обошел он всю комнату, а к вечеру пропал – нигде нет. На ночь я поставил глубокую тарелку – море. Так в одной норе я переночевал с моим зеленым гостем четырехлапым гостем. Только наутро к полудню он выскочил из-под газет (песку). К полудню с нижней полки.

Муху еще можно, приноровясь, сшибить в кулак или взять “хлопом” по-собачьи, труднее словить мышонка, никак и только нетрезвому, а так попробуй-ка трезвому с развязанною мыслью безо всякого ума <1 нрзб.> щепом. А исхитриться попробуйте-ка. Мой демон обернулся зверем. Я вдруг ясно вспомнил ваше воронье царство – первые дни на земле. Опадающее море, горы, снежные вереницы птиц. Глаза мои вонзились в ящера и пальцами-когтями я впился в зеленую рогатую спину. Непокорный покорился. И перенес к окну на подоконник.

Весь день ящур оставался на подоконнике, а вечером – я больше не нашел ящера.

Так я и не написал Пьеру о его погасшей солнечной зеленой стреле.

А поутру растворяю окно, а со стены из черной дыры на меня ящур – вот где нашел он себе теплую нору.

Вскоре после “освобождения”²⁰ на черном можно было различить изумруд – живой: покажется и спрячется. Это был ящур – принял стену за скалу и угнездился в промоине. Лето выдалось знойное: мошек не перечесть, а воды ни капли. И пришлось покинуть гнездо. Несколько лет после квартиры пустовала.

5.

“Кукушкиной” комната зовется по часам с кукушкой. Кукушка – дыхание дома, ее голос внятн и в исторической кухне и в каштановой рукописной и в караульной и по всему цветному коридору.

Принято было говорить теми, кому пришлось заглядывать в комнату писателя: “как бедно живут писатели!”*

²⁰ 24 августа 1944 г. в Париж вошли первые танки Второй французской бронетанковой дивизии под командованием генерала Леклерка. 25 августа он и полковник Роль-Танги приняли безоговорочную капитуляцию немецко их войск.

* *Перед этой фразой было: “Принято говорить всякому заглянувшему в комнату писателя: как бедно живут писатели!” (повтор фраз на стыке двух листов).*

Сказать такое о “кукушкиной” язык не поворачивался.

– Не бедой богатыми дарами богато украшена была жизнь писателя!

Мне по моему возрасту, – говорит Ремизов, – полагается государственная пенсия. Пенсия небольшая, все мои русские сверстники и помоложе меня получают, а мне отказали. Инспектор из мэрии, усевшись под сенью кукушки сказал не без удивления: “Какая ж вам пенсия!”

А старый парижский репортер, перевидавший на своем веку немало “кабинетов” просвещенных французских писателей зорким глазом скользнул по драгоценным камням моих цветных абстрактных коллажей, и вперся в веревки с талисманами и рыбьими костями – позвоночными, удивившими однажды тибетских лам, с восхищением воскликнул: Да ведь это дно морское!

Молодые репортеры, разделяя мнение своего опытного предшественника, добавляют: пыльногато.

И я думаю:

“Мои глаза запорошило, мой цвет моих стен темен, потускнел, морское дно затягивается песком и время становится короче – с каждым летом подходит срок куковать кукушке”.

6.

“Кукушкина” прокурена, запета, отчитана, измыслена и пронизана сновидениями: всякую ночь мне снится и поутру по свежей памяти я записываю сон.

Упражнение памяти и непрерывность письма.*

Со словарями на разрисованном столе – вглядевшись можно прочесть целую повесть это открыла Ремизову [Рубисова²¹ – Евреинова²² – Эльф]. Лежат альбомы с рисунками. То что пишется, сначала или одновременно рисуется.

Из последних альбомов, а возможно и заключительных (глаза не берут!) “Тристан и Иольда”, “Повесть о Бове Королевиче”.²³ Рисунки, как и все, свои, ремизовские. Не всякому глазу.

* Далее одна страница утрачена.

²¹ Рубисова Елена Федоровна (ремизовское прозвище – Эльф, 1897-1988) – художница, прозаик, искусствовед.

²² Евреинова-Кашина Анна Александровна (1899-1981) – прозаик, жена Н. Н. Евреинова, соседка Ремизова по дом 7 на улице Буало.

²³ Анализ альбома см. в кн.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература, с. 234-236.

– Если бы я был музыкант, – говорит Ремизов, – я одновременно с рисунком и записью сочинял бы музыку то, что я увижу и выговариваю словом, а в душе поет.

– Если вы вздумаете и захотите о чем-нибудь написать, пишите без оглядки. Когда я слышу: “А где это напечатать?” – Я понимаю – из этого писателя путного ничего не выйдет. Для писателя одна корысть и другой не может быть – одно стремление – выразить изо всех своих сил захватившую его душу мысль и образ.

Удастся ли напечатать или понравится ли кому? – таких вопросов не может быть пока “совершается”, как выражался о своем Гоголь.

*

На альбомах всем в глаза “Золотая книга” – 6 карманных записных книжек, начата Александром Николаевичем Бенуа в 1951-м: имя, отчество, фамилия, число, месяц, год и картинка – автопортрет – как рука подпишется. Кого только тут нет – имена!

Много “птичек”, “корабликов”, “елочек” – сразу узнаешь писательниц; нежные руки, глазатая нога без туловища – ясно, балерина; лампа или пенснэ – ученый, а есть и подпись и под ней свирепый браунинг. “Не здороваясь”, – “ваше картдиантите!”²⁴ А я ему золотую книгу и пальцем показав правую страницу: подпишите и нарисуйте свой портрет. Неожиданность и лестное имя в “Золотой книге” покорно усадили его к столу, придерживая пояс, где револьвер, он принялся за работу. Впечатление от моей “Золотой книги” мне напомнило, как однажды, после обыска я предлагал жандармам выпить чаю моей заварки.

На том же разрисованном столе, где словари, альбомы и золотая книга, чтение за летние месяцы: осенью они перейдут на полку. Неостывшая память назовет Историю древней русской литературы Ю. Л. Сазоновой; Воспоминания сына Лескова о отце; воспоминания С. К. Маковского о встречах с И. Ф. Анненским и А. Добролюбовым; Донесения послов XVI-XVII веков; Кот Мур, Двойники, Повелитель блох Э. Т. А. Гофмана, История русской литературы XIX века; О Пушкине (Путешествия русских послов (редакц. Д. С. Лихачева) <1 нрзб.>.²⁵

²⁴ “Carte d’identité” (фр.) - удостоверение личности.

²⁵ Среди перечисленных названий можно точно установить книги: 1) Сазонова Ю. Л. История русской литературы. Древний период. В 2-х тт. Нью-Йорк 1955. Т. 1, 414 с.; Т. 2, 414 с. 2) Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М. 1954. 684 с. 3) Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк 1955. 414 с. 4) Путешествия русских послов XVI-

“История древней русской литературы” Ю. Л. Сазоновой – такой книгой можно приучить к чтению по истории русской литературы – книга для юношества. С Сазоновой и начались летние занятия: будет о чем вспоминать за зиму.

– Про себя скажу, – говорит Ремизов, – много мне было поучительного, какое исчерпывающее изложение литературы и русских сказок. Тут и сам Чижевский²⁶ не <1 нрзб.> изложение. Прочитай “Слово о полку Игореве”, советую. Я на всю жизнь полюбил это “Слово” – единственное произведение искусства. Ведь в нем <2 нрзб.> отрывки.* Сравнить можно только с катехизисом. Семен Афанасьевич Венгеров,²⁷ родной дядя Ю. Л. наградил бы племянницу ученой степенью: доктор изящной словесности. А Обезьянья Великая и Вольная палата – в академики.

Обезьянья Великая и Вольная Палата основана в 1907 году одновременно с выходом моей Посолони и Лимонаря. В прошлом году звание обезьяньего академика получил Игорь Чиннов²⁸ за обещание написать о Жан Поль Рихтере – в 40-х и 50-х годах известен в России, германский романтик, теперь ничего не помнят.²⁹

– Среди памятников древней русской литературы “Слово” стоит одиноко и по своему ладу и по своему искусному совершению. Ничего подобного не было в русской литературе и не с чем сравнивать.

Если “Слово” XII века, как могло получиться что века оставалось

XVII вв. Статейные списки. Подг. текстов и комментариев Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер. Л. 1954. 146 с. [В прилож.: Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятник литературы, с. 319-146]. 5) Лекции по истории русской литературы XIX века [на переплете: История русской литературы XIX века]. Под ред. А. Н. Соколова. Вып. 1. М. 1951. 265 с.

²⁶ Чижевский Дмитрий Иванович (1894-1977) - историк славянских литератур.

* Две строки написаны одна на другой.

²⁷ Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) – историк русской литературы, библиограф, профессор.

²⁸ Чиннов Игорь Владимирович (1909-1996) – поэт. В 1945-1953 гг. жил в Париже, где, в частности, преподавал немецкий язык в русской гимназии. Постоянно встречался с Ремизовым (см.: Богословский Н. А. Чиннов И. В. / Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918-1940. М. 1997, с. 438).

²⁹ Жан Поль – псевдоним немецкого писателя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (Richter 1763-1825). В России была известна “Антология из Жан-Поль Рихтера” (СПб. 1844), на которую дал рецензию В. Г. Белинский (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М. 1955, с. 229-242).

оно без отклика и зазвучало только в XVI в. – отклик в “Задонщине”.³⁰ В образах “Задонщины” в первый раз отклик.

Как возможно. Чтобы Епифаний Премудрый (XIV – начало XV), современник Рублева, наш первый “словесник” (“летрист”), выдумавший для своего искусства термин “словоплетение”, не нашел в богатом книгохранилище Ростова или не обратил внимания на список “Слова”?

Для меня загадка.

На русский лад не оказалось слуха.

Склад ладов русский природный – движение сочетаний слов можно представить себе как kloкочущий котел. В этой кипи, кто что расслышит, и все будет ладно, только б расслышать. Не глухое ухо оценит глубину лада.

Русские лады природной русской речи XVI-XVII в. – я говорю как это прозвучало в книгах – были залиты стрелецкой кровью и сожжены в срубках.

XVIII век – борьба за “подлое наречие”, но и русейшие Тредьяковский и Ломоносов пишут на латинско-церковной французско-немецкой тарбарской. Русская литературная проза начинается с XIX.*

В kloкочущем речевом складе Карамзин подслушал дактилическое окончание фраз – гони местоимение и прилагательное на конец фразы. Так и заглавил свою историю: “История Государства Российского”. Карамзинский лад пришелся по русскому уху. Этот окончательный дактиль стал русским стилем. Автор “Слова” передал другие лады, прозвучали из глубины – среднему уху не взять. Русский лад “Слова” остался без подражаний.

Марлинский, слух его тоньше и разнообразнее, почувствовал “монотонию” карамзинского русского лада. Марлинский расслышал лады гоголевской глубины и как Гоголь остался одиноким в своем ритме. Если переводить на музыку, вслушайтесь: Чайковский и Мусоргский – воздушный “petit four”³¹ и из поддони жгучая лава.

Исток книжной русской речи Карамзин, много слов Гоголя, Марлинского с подболткой поверхностных харь иностранной речи.

Для перевода на иностранный язык особых трудностей не встретится.

³⁰ Размышления Ремизова основаны на подвергающей сомнению подлинность “Слова” книге: André Mazon. Le slovo d'Igor. Paris 1940. 182 p.

* Цифра процарапана пером без чернил.

³¹ “petit four” (фр.) – печенье.

– Надо писать так – переводу неподдавно, конечно, такое совершается неумышленно. Нельзя научиться говорить ко всем, а следовать движению природной русской речи – можно.

Как научить. Скажу по себе: ходить по словесной русской земле.

Рядом с учебником Сазоновой “Путешествия послов XV-XVII в.” Изд. Академии наук 1954 под редакцией Д. С. Лихачева. По своей слепоте я не читатель, я слушатель. Эту книгу нам “исполняла” С. Ю. Прегель, лучшая из моих чтецов.

К хождению по словесной русской земле и эта книга: Черных. Язык Уложения 1641 г. Изд.³²

“Синтаксис живого русского языка” для проверки.³³ Сколько поучительного нашли бы в этой книге наши критики и письменные, и устные. Книжный синтаксис искалечил душу природной речи.

Про себя скажу, сколько я принял упреков за мою <1 нрзб.>книжной мерке толоконных грамматиков.

– Я не собираюсь воскрешать никакие словесные века. Ни XI-й – русскую речь в староболгарском, ни XV – в сербском наряде, ни деловую дьяческую – XVI-XVII в. Я хочу, усвоив сложение русской природной речи, подслушав в сборе ладов русские ряды, по-своему складывать слова.

“Точность и краткость”. Пушкинское требование к прозе. И за Пушкиным вся история русской прозы: летопись – “Повесть временных лет”, Русская Правда,³⁴ переписка Посольского приказа – послы сносились речами, читали не по грамоте, а говорили на память.

“Всякое организованное словесное пространство” от “Слова о полку Игореве” до словоплетения Елифания Премудрого и от Елифания до Жития протопопа Аввакума, и от <1 нрзб.> Вечеров Гоголя и от Гоголя до <1 нрзб.> – ритмично. А говорить никак нельзя о какой-то ритмичной прозе, можно условно рифмичной мерой выделить стихи, но рифма не делает поэзию – языковой – вслушайтесь – язык суконный. Душевное движение, выраженное напоённым словом – поэзия.

Любовь и горечь – моя Мейерова Стена – залог поэзии.

И все это моя жалкая доля.

³² Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М. 1953. 375 с.

³³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л. 1941. 620 с.

³⁴ Русская Правда – свод древнерусского права. Существует в списках XIII-XVIII вв.

И оставаясь сам собой погасшими глазами в Мейерову стену, каким бедняком я себя чувствую.

Когда-то в бедовую пору я всем говорил “не обращайтесь внимание”, а теперь я себе повторяю, “чтобы обратили <?>” – это круг моей жизни, я как будто разгребаю или отбрасываю себя, я жду какого-то решительного часа освобождения.

Силы небесные, за что вы оставили меня, на какое испытание?

*

Переводимо ли мое на французский?

Галлимар обещает выпустить весной 1956 мою книгу “Подстриженными глазами”.³⁵

Меня переводят с 1910 г. О мастерстве переводчиков я рассказываю в “Мышкиной дудочке” в рассказе “Вавилонское столпотворение”.³⁶ Конец для меня печальный: все известные переводчики отказались от меня, а был даже случай попытки самоубийства.

И только теперь мне повезло и мое русское зазвучало на такой чужой русскому латыни. Н. Резникова расплела и выразила мой ритм или вернее интонацию. Тоже могу сказать о О. Андреевой и Ариадне Сосинской – переводчице “Саввы Грудцына”.

В переводе сестер Черновых-Резниковой, Андреевой, Сосинской я слышу свой голос.³⁷

И что удивительно: русские, которые с раздражением говорят о моих книгах, терпеливо читают мое во французском переводе.

И я думаю, построение Вавилонской не так уж безнадежно. И мой камушек засветился и м[ожет] б[ыть] согреет чье-нибудь “измученное” сердце.

*

Чтение продолжает[ся]. На краю стола Андрей Лесков о Николае Семеновиче Лескове, 1955. Книгу Лескова можно поставить как том

³⁵ Речь идет о кн.: Remizov A. Les yeux tondu. Nouvelles. Trad. du russe par Nathalie Reznikoff. Préface de Marcel Arland. Paris, N.R. F. Gallimard, 1958. 280 p.

³⁶ См.: Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж 1953, с. 189-196.

³⁷ Названы имена ближайших друзей и переводчиц Ремизова: Резникова Наталья Викторовна (1903-1992) - жена Д. Г. Резникова; Андреева Ольга Викторовна (1903-1979) - жена В. Л. Андреева; Сосинская Ариадна Викторовна (1908-1974) - жена Б. Б. Сосинского.

двадцать третий в ряд с Н. Барсуковым, Жизнь и труды М. П. Погодина.³⁸

– Книга документальная – история русской культуры. Для писателей поучительно – последние главки писал Лесков. А мне теперь особенно чувствительно: не разбирая, как могу я исправлять “вдоль и поперек”. Обычно я переписываю свою рукопись пять-шесть раз – диктовать я не могу: моя мысль живет и слова распускаются и цветут в молчании и тишине.

Памятные рассказы Лескова в форме сказа, начало Гоголя “Повесть о капитане Копейкине”: “Заячий ремиз”, “Очарованный странник”, “Запечатленный ангел” – повесть ведется от рассказчика. Эти рассказы можно перечитывать, никогда не поскучаешь. Но вы чувствуете в сказе “грамотную” руку Лескова. Лесков недооценивал синтаксис живой речи рассказчика. И длинноты, вычеркивая и перечеркивая, Лесков не дочеркнул. Его романы “Некуда” и “На ножах”. Свое лучшее заливал таким половодьем. Только терпением – выберешься до берегов! Общй грех! А чего наворотил Л. Н. Толстой в “Войне и мире” – одно рассуждение о <1 нрзб. W чего стоит?

А ведь у нас есть примеры как надо: Пушкин, Гоголь, и из второго ряда – Слепцов, Чехов.

А какую русскую крепь показал Лесков. Да и сам он был не мелкой млей. И как чудесны его праведники. В них завет каждому для нас – вспомните, разве в жизни среди червивого точащего подстава не встречали человеческое бескорыстие и в себе самом не шевельнулось ли у вас хоть однажды: “не для себя” даже вопреки вашему благополучию.

В Литературном Современнике 1954³⁹ рассказ “Суд Соломона” – о праведнике – сибирском судье – переключка с Лесковым.

Как я обрадовался!

Рядом с “Лесковым о Лескове” книга Ю. Елагина о Мейерхольде.⁴⁰ Читаю, как о самом себе: Мейерхольд пронес через всю свою жизнь мое “наперекор и выверт”. Не понимайте, как “озорство”, и это не надуманное “нарочно” – это “поступать по-своему” – толчок живой жизни. Если вы чувствуете в себе силу, если у вас есть голос сказать свое – ваш путь:

³⁸ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22. СПб. 1888-1910.

³⁹ Неточность Ремизова. Имеется виду : “Литературный современник”. Журнал литературы и критики (Мюнхен, 1951-1953). Главный редактор – В. Яковлев.

⁴⁰ Елагин Ю. Темный гений. Всеволод Мейерхольд. Нью-Йорк 1955. 413 с. При создании книги автор обращался к Ремизову и в дальнейшем использовал его воспоминания о годах знакомства с Мейерхольдом.

вы не покатысь на подушках – нет, очертя голову вы, – пробираясь сквозь, вы исцарапаете себе руки и с переложенным хребтом выходите на свою дорогу.

Меня обвиняют*

“История” русской литературы девятнадцатого века и начало двадцатого, кончая 1917-м годом – какое кипение темных сил: в революцию – в 1917 году – я начал о “гибели русской земли” (“Взвихренную Русь”) да что же было мне с моим “наперекор”, неужели-то по-клюевски возгласить, спрятав под фуфайку крестильный крест: “Революцию и Матерь Света в песнях возвеличим!”⁴¹ И это также, как когда-то в Петербурге “Аполлоном” литература была провозглашена “прекрасной ясностью”, об этом в моем “Пляшущем демоне”.⁴² Я ответил моей прозой природной русской речи, в которой выхолощенной ясности не ночевало.

Говорю это о себе, нисколько не задирая нос и без всякой заносчивой мысли сравняться с моими недюжинными современниками, как Горький, Блок, Андрей Белый, Мейерхольд. Или старейшими, как Розанов. Я-то свое место определю лучше всякого историка. “Незадачливое беспокойство”, да, возможно, Иванов-Разумник прав: бескрылый или по Горькому: “рожденный ползать, летать не может”.⁴³

Но откуда, из каких истоков души моя любовь к Э. Т. А. Гофману. Я и вас оценил и принял верно и нераздельно, как из “другого” мира, из сновидений Гофмана.

*

Чтение Гофмана на прощанье – пора вам возвращаться в Америку да и замучил я вас книгами. Гофман будет вам да и мне воспоминанием о какой-то непохожей стране из сновиденья, где когда-то оба мы жили, да вы и сейчас – вы никогда [не покидали] этот чудесный край “воображения”: за это ручаются ваши сказки и ваша новая книга “Глобусный

* Предложение не закончено.

⁴¹ Травестийное использование богослужебного текста – возгласа дьякона на повечерии перед молитвой к Пресвятой Богородице (“Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!”).

⁴² Речь идет о статье М. А. Кузмина “О прекрасной ясности. Заметки о прозе” (Аполлон 1910, № 1, с. 5-10), ставшей манифестом “кларизма” – “аполлонической” концепции искусства. См. об этом в посвященном Кузмину эссе: Ремизов А. Послушный самокей / Ремизов А. Пляшущий демон. Париж 1949, с. 42-51.

⁴³ Цитата из “Песни о Соколе” (1895) Максима Горького.

человечек”,⁴⁴ и мое впечатление, как вы входите в “кукушкину” и из первых ваших слов я узнаю интонацию того другого мира.

Много я вижу добра от людей и с благодарностью у меня выговаривается “незаслуженно”: кто сахару принесет, кто папирос, а в болезнь проведет бессонную ночь, карауля.

Меня всегда радует П. П. Сувчинский⁴⁵ – с ним в “кукушкину” входит музыка.

И вы – без которых самые жгучие воспоминания, те <?>, даже под знаком “чтобы только сниться”, как еда, сон, задушили бы меня.

Эти слова мои далеко не каждому по разумению: разве кто скажет “я не понимаю”, как и самое загадочное реникса, подведя под короткую мерку своей ограниченности.

Моя затея в 40-х годах русские переводы Гофмана. В России Гофмана после <1 нрзб.> потом – в 60-х годах Гофмана забыли, и не только у нас, во Франции, помяну двух, мне близких, кто ценил его: Бодлер и Нерваль.

Мне посчастливилось: оттого, что в русских библиотеках Гофмана не спрашивали, я достал

1) Двойники, Изд. Петрополис, 1923, перевод Вячеслава Иванова

2) Повелитель блох, Изд. Academia, 193...⁴⁶

3) Житейские воззрения кота Мура. Изд. Дешевая библиотека А. С. Суворина, 1888, перевод К. Д. Бальмонта и изд. Пантелеева, 1903, перевод Марьи Андреевны Бекетовой (вспоминаю: тетка А. А. Блока, печальная, черная палочка, молчаливая спутница вечеров Блока)

Все эти книги на краю стола после Лескова и Елагина.

⁴⁴ Кодрянская Н. Глобусный человечек. Париж 1954. 68 с. Книга создавалась при непосредственном участии А. Ремизова, который и послужил прототипом для образа сказочного “Глобусного человечка”. Последнее отражено в иллюстрациях Ф. Рожанковского, придавшего этому герою портретное сходство с писателем. Черты самой Кодрянской внесены в образ “девочки Дикси”, под этим прозвищем она фигурирует в переписке ближайших друзей Ремизова – семьи О. Е. Колбасиной-Черновой.

⁴⁵ Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Петр Петрович (1892-1985) – музыковед, музыкальный и литературный критик, публицист, один из основателей евразийского движения. Один из близких друзей Ремизова, его консультант по истории древнерусского церковного пения.

⁴⁶ Гофман Э. Т. А. Повелитель блох. Пер. под ред. В. Гриба. М.-Л. 1937. 313 с.

Осенью все эти книги перейдут на полку, и к вашему приезду появятся другие, верю, они встретят вас раскрытыми, и Вы взглянете на них обрадованными глазами.

8.

Книги, стена цветных конструкций и в воздухе талисман – среди раковин московский калач – все вместе.

Ударив глаза, погружает на “дно морское”. И когда обживетесь, заметите и хозяина – занимает так мало места, закутан в разноцветные шкурки, всегда озябший. Сколько ему дать? – По его памяти, ты[ся]ча лет, а может, и с хвостиком.

Русские не любопытны, русский голос* редкий гость, а яснее – чужая речь.

Четырнадцатый год в затворе.

– В прошлом году меня выводили 9 раз, этим летом только раз – по левой стороне, не переходя улицу. Встречные шарахаются на мостовую, не крестясь и не отплевываясь – не духовное лицо, и не покойник. “Сумасшедшего водят, тихий!” – слышу добродушное вдогонку, “тихий!”

Еще раз, оглянув морское дно, прощаюсь, до радостного утра, верю, до весны.

– Прощайте!

* *

*

А этого никто не видит. До ночи еще далеко, когда без проводника и слепой белой палки, я выйду на волю – улицы, здания сновидений и люди из всех миров без времени, без счета лет.

У стола над рукописью, как прежде, сидит он, вслух перетвердив слова, согнулся или перед окном глазами в Мейерову серую стену?

“Веселость меня покидает, вот это странно”.

16.VIII.1955.

* *Было:* слово.